

А на этотъ разъ прибавляли еще:

— А не видали ли телѣжку съ монахомъ?

Но всякій разъ получили отрицательные отвѣты.

Къ семи часамъ вечера мы подъѣзжали къ Тулѣ. Охота была изъ удачныхъ—мы затравили нѣсколькихъ зайцевъ. Переѣхавъ заставу, мы уже были на главной, Кіевской, улицѣ, когда неожиданно мимо насъ промчалась наша телѣжка. Въ ней сидѣлъ безъ шапки В—въ и неистово кричалъ на всю улицу: «на абордажъ! на абордажъ!» Волоса его развѣвались во всѣ стороны, глаза были красные, возжи онъ распустилъ и, держа въ рукахъ ружье, цѣлилъ во всѣхъ прохожихъ, которые съ ужасомъ разбѣгались по сторонамъ. Умная старая лошадь Барабанъ крупной рысью бѣжала прямо по улицѣ. Мы свернули въ переулокъ, чтобы на улицѣ не имѣть съ нимъ никакого дѣла. Ружье, къ счастью, не было заряжено. Оказалось, что дорогой онъ открылъ корзину съ провизіей и выпилъ весь графинчикъ съ домашнимъ «травникомъ», который Дуняша уложила по его просьбѣ.

Вскорѣ мы пріѣхали къ тетенькѣ. Левъ Николаевичъ отъ души смѣялся, рассказывая ей все, что случилось съ нами. А я и до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить всего этого. Телѣжка, лошадь и В—въ попали въ полицію, и лишь на другой день удалось ихъ выручить.